

Зачинатель русского театра *)

Федор Григорьевич Волков, родившийся в семье разорившегося ярославского купца, прожил недолгую жизнь. Но то, что он успел сделать, навсегда осталось значительной вехой в истории русского театра. Основное достоинство книги Горина-Горьянова заключается в том, что в ней показано не только влияние теневой природы Волкова, одержимого идеей создания русского народного театра, но и степень зрелости общественных условий.

Автор с самого начала показывает в своей книге, что Федор Волков не был одиноким в своем начинании. Родные братья, Иван Дмитриевский, бывший брдобрей Шумский, братья Поповы, Иконников, Чулков — представители нарождающейся разночинной интеллигенции из купеческой, ремесленной и даже фабрично-заводской среды — вот то первоначальное окружение, которое, может быть, не всегда с полным пониманием всей глубины замыслов Федора Волкова, но всегда добросовестно и охотно помогало ему в осуществлении его планов. Не филантропическое участие помещика Майкова и, разумеется, не пренебрежительно покровительственное нежелезательство ярославского воеводы Бобрищева-Пушкина, а именно эти товарищи составляли ту среду, которая и облегчила успех дела жизни зачинателя русского народного театра.

*) Горин-Горьянов. «Федор Волков», роман-хроника. Ярославское обл. отд. огаза.

Заканчивая одну из глав своего романа, Горин-Горьянов пишет: «В муках, сомнениях, в атмосфере умственной полумглы рождалось первое детище первых ярославских охотчих комедиантов». Это замечание верно лишь относительно. Справедливо, что при существовавшем в ту эпоху зияющем разрыве между центром, где сосредоточивалась вся умственная жизнь страны, и периферией трудности, вставшие перед пионерами культурной деятельности, были громадные. Федор Волков, мечтавший «о создании своего русского, отечественного театра... применительно к духу и пониманию рядового русского зрителя», с самого начала столкнулся с необходимостью создания и отечественного репертуара. Вот почему «едва ли не сильнее мысли о самом театре Федора тревожила мысль о его основе — словесности русской», ибо без репертуара немислимо было создание театра. И Волков «упорно... выискивал материалы, годные для возведения русского театрального здания. Приобрел две первые напечатанные русские трагедии, собственноручно переписал с рукописей две других... выискивал всякие опыты по драматической части, умоляя авторов дать их списать. Пробовал... переводить разные интермедии с немецкого и даже итальянского. Пытался сочинять сам российские комедии «из головы» (стр. 38).

Даже этот несколько суховатый перечень попыток Волкова сколотить стечественный репертуар дает представление о трудностях, вставших

перед новатором театрального дела.

Но XVIII век был, как известно, веком просвещения, веком деятельности славной плеяды просветителей, заложившей основы современной европейской культуры. Для нас это был век разбуженной Петром Росси, век деятельности его питомцев, людей, выросших на взрыхленной им почве, век Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Фонвизина, Державина, Суворова, век начавшегося расцвета русской культуры, всеобщего ее зарождения. Вот почему книга о театре вполне закономерно выросла в книгу о литературе, о росте и зачатии русской культуры во всем ее многообразии, в книгу о складывавшемся просвещенном русском обществе.

***

Деятельность Волкова и его товарищей стала известной в столице, и первый русский театр охотчих комедиантов был призван ко двору Елизаветы. И монографический роман в силу необходимости стал историческим романом, так как в его орбиту оказалась включенная целая историческая эпоха со всеми ее участниками. Елизавета и Петр III, Екатерина II и граф Разумовский, Сумароков и Тредьяковский — все они играют в романе большую роль, составляют, так сказать, исторический фон разворачивающейся драмы Федора Волкова, переросшего свой век и потому испытывающего неудовлетворенность от неполноты осуществления своих замыслов.

Твердо сложившаяся традиция советского исторического романа требует достоверности в изображении

исторических условий и обстоятельств, правдивости в обрисовке действующих лиц и характеров, умения передать колорит эпохи в языке, в описаниях нравов, обычаев, чувств и дум героев. Удовлетворяет ли этим требованиям роман Горин-Горьянова? Да, в основном удовлетворяет.

Недостатки романа сводятся к частностям: встречающемуся местами риторизму и суховатости изложения фактической стороны романа, модернизации языка героев, которые нет-нет да и заговаривают языком людей... 1942 года.

Автору изменяет иногда чувство меры и вкуса, и он слишком упрощает историческую перспективу в отношениях персонажей и в обрисовке исторических условий. Но все эти недостатки частные, наличие которых в романе следует отнести не столько за счет автора, сколько редактора А. А. Смирнова, написавшего хорошее предисловие, но почему-то не решившегося на более активное участие в создании книги.

Но в основном, повторяем, автору хорошо удалось передать аромат эпохи, показать значительность роли Федора Волкова в истории русской культуры, с большой полнотой развернуть исторический фон его деятельности.

Любопытно, что некоторые эпизодические персонажи удалась особенно хорошо. Автор несколькими штрихами создает исторически правдивый образ мрачного, пьяного голштинского солдафона — Петра III, глубоко чуждого стране и бесславно погибшего в попытках подчинить Россию прусскому королю. Хорошо появившийся в романе на мгновение молодой Суворов.

С большой полнотой обрисован в романе Сумароков, первый русский драматург и энтузиаст создания на-

ционального русского театра. Сцены ссор Сумарокова с Тредьяковским полны юмора, порой грубоватого, но оправданного эпохой.

Но наибольшей удачей, как и следовало ожидать, автор достиг в создании образа основного героя, которому и посвящена по существу вся книга. Автор правильно понял всю сложность натуры Волкова, как исторического деятеля переломной эпохи. Композиционное построение романа способствует раскрытию всей сложности образа Федора Волкова. Вплетенная в роман вымышленная романическая интрига, юношеская любовь героя к Татьяне Михайловне Мусиной-Пушкиной (впоследствии артистки Троепольской) и связь с фрейлиной Олсуфьевой, его раздвоение между «идеальной» и «земной» любовью к двум женщинам совершенно противоположного типа, как бы символизируют противоречие между рисующимся в далекой перспективе идеалом и достигаемым в практической деятельности, которое и составляет основной стержень романа. Идеальная героиня Татьяна Троепольская, первая русская культурная актриса, страстно, до самозабвения преданная театру, в которой дан прообраз великих русских актрис, изображена с большой глубиной и правдивостью.

Художественное воспроизведение сценической работы Волкова — артистических исканий и вечного недовольства собой — принадлежит к лучшим страницам романа. Артистические переживания Волкова и Троепольской на сцене переданы с таким глубоким проникновением и жизненностью, что невольно приходится в голову мысль: эту книгу мог написать только актер с большим сценическим опытом.

По вполне понятным причинам в романе обнаруживается тот элемент реминисценции, т. е. внесения в

книгу позднейших влияний, которые испытал сам автор. Но это только увеличивает ценность книги, делает ее более актуальной. В Волкове — артисте как бы предчувствуется проявление всех позднейших театральных школ и течений, находящихся еще в эмбриональном состоянии. В Волкове мы видим в зачатке Мочалова и Каратыгина, Качалова и Москвина. Это и составляет все обаяние его образа, который удалось создать автору в основном герое своего романа.

Вложенное автором понимание Федором Волковым задач искусства, как выразителя «души народной, ее страданий и радостей», вполне реально и глубоко созвучно нашей эпохе.

Мечта зачинателя русского народного театра, охватившая его, когда он перед началом своей славной деятельности смотрел в кадетском корпусе любительское представление трагедии Сумарокова «Хорев», «о том времени, когда возмужает словесность российская и подобные трагедии, токмо более совершенные будут повсюду представлены десятиками и сотнями», — эта мечта Федора Волкова в нашей стране давно осуществилась.

Знаменательно, что Волков заболел и умер в момент организации массового народного зрелища в Москве. Рвавшийся из придворного театра к театру народному, великий артист нашел в массовом зрелище глубокое удовлетворение. Случайная, преждевременная смерть не дала развиваться вполне его большому таланту.

К книге Горина-Горьянова должно быть привлечено внимание широких читательских масс. Она заслуживает этого.

А. КОСТИЦЫН.